

Победу нельзя «приватизировать» – она принадлежит всем победившим!



Зигмунд Станкевич

доктор юридических наук,
действительный член (академик) Российской академии социальных
наук,
член Союза журналистов Москвы

Хочу поддержать нашего Председателя, который только что высказал очень ценную и важную, на мой взгляд, мысль: истоки всех тех страстей, которые сегодня бушуют, и безобразий, которые творятся вокруг нашей общей великой Победы и славных победителей, надо искать, прежде всего, в собственных политико-идеологических ошибках и просчётах конца 80-х – начала 90-х годов минувшего века. Это весьма созвучно фундаментальной мысли главы российского государства, который во время сегодняшней Прямой линии со страной, правда, по несколько иному поводу, сказал следующее (цитирую): «... никакого отторжения не было. Украина – самостоятельное,

независимое государство, и нужно относиться к этому с уважением. Мы сами это все отторгли когда-то, в начале 90-х годов, когда приняли решение о суверенитете Российской Федерации. Мы же какой шаг сделали? Мы их освободили от себя. Но мы сделали это сами, это наше решение было. И если уж мы это сделали, надо относиться с уважением и к их независимости». Горькая правда, но правда, которую просто невозможно не признать.

Нечто подобное следовало бы произнести также в отношении тех «дров», которые сами россияне «наломали» по поводу Победы и всего, что связано с ней. Особенно, в последние два года существования сверхдержавы и в первый период после крушения СССР (1990 – 2005 гг.), когда перед «демократической» Российской Федерацией как правопреемницей Советского Союза во весь рост встала проблема интегрирования Дня Победы и самой Победы как уникального всенародного подвига в официальную идеологию постсоветской России.

Задача эта на поверку оказалась крайне непростой, поскольку фактически требовалось «скрестить ужа с ежом», то есть, приспособить абсолютно советский, народный и глубоко патриотический праздник к нуждам постсоветского российского государства с его «врожденным» антикоммунизмом, отвращением к «совку» и страстью к либерально-западническим интерпретациям истории Великой Отечественной войны. Одно дело, когда Победу празднует государство, одержавшее её в справедливой, освободительной войне против явного агрессора, поставившего своей целью уничтожение либо полное порабощение данной страны и ее народа. Совсем другое – когда это делает государство-антипод победителя, пытающееся только себе присвоить его лавры.

Отсюда, в частности, многолетние, хотя и бесплодные попытки «разделить» Победу и Сталина (как бы ни относиться к этой исторической личности и ее практической деятельности). Вначале – сместив акцент на «талантливых советских полководцев, выигравших войну и спасших страну, несмотря на репрессии и

подчас вопреки воле тирана», а затем – фокусируя внимание на «простом солдате, вынесшем на себе все тяготы войны и через это добывшем Победу». Надуманность обоих подходов очевидна: ведь если подходить к величайшей из войн с подобных позиций, то вполне допустимо поставить генерала Эйзенхауэра перед президентом Рузвельтом, а фельдмаршала Монтгомери – перед премьером Черчиллем. Но этого никто даже не пытается делать. Как не пытаются представить «главным победителем» в войне рядового Райана, искусно отделив его от политического и военного руководства собственной страны.

Столь же безрезультатными на практике оказались попытки российской пропаганды «отделить» нашу Победу от социально-экономического и политического строя победившей державы, представляя дело так, будто нацистскую Германию и ее евро-азиатских сателлитов разгромил не социалистический Советский Союз, а некая абстрактная «Россия». Я уже не говорю о том, как яростно принижали роль Коммунистической партии – главного организатора и вдохновителя великой Победы, пытаясь «перевести стрелки» на западную военно-техническую помощь (лэндлиз), без которой, мол, «Советы бы ни за что не выиграли».

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что в последнее десятилетие «спесь» официальной пропаганды в этом плане существенно поубавилась. Особенно, после исторической фразы В.В.Путина из его президентского послания российскому парламенту 25 апреля 2005 года (тоже преддверие юбилея – 60-летия Победы!), в которой он определил крушение СССР как крупнейшую геополитическую катастрофу XX века.

Тем не менее, наши власти, на мой взгляд, пока не готовы к предельно честному и откровенному, сбалансированному и не зацикленному на актуальной политике разговору с обществом о той войне и той Победе, их истоках и последствиях, значении для разных народов и месте в общей истории человечества. Наглядный пример тому – усилившиеся в последнее время споры вокруг «национальной принадлежности» Победы, вызванные желанием значительной части российского общества представить

обуздание фашистского зверя как чисто «русскую победу».

Конечно, мотивы подобного стремления можно вполне понять. Это, во многом, естественная реакция на оскорбленные национальные чувства – благо, поводов для этого за последнюю четверть века было предостаточно. Но следует понять и то, что любая национальная «приватизация» Победы (кем бы она ни проводилась) – это путь в никуда, прямая дорога к новым мифам и фальсификациям, и, соответственно, к новым обидам.

Единственный верный способ избежать этого – вернуть Победе ее изначальный интернационалистский характер, неизменно подчеркивая, что она добыта кровью и потом представителей всех, без исключения, народов бывшего СССР. Надо чаще и обстоятельнее напоминать современникам (особенно, молодому поколению) о славном боевом пути национальных воинских формирований, боровшихся с фашизмом в рядах Красной Армии, о героях-партизанах и подпольщиках из числа представителей титульных наций советских республик. Наконец, надо научиться спокойно и уважительно говорить о непростых судьбах тех людей, которым пришлось пережить ужасы войны на временно оккупированных территориях, но которые не уронили человеческого достоинства в условиях, когда цена свободы порой – жизнь.

Авторизованный текст выступления на восьмом заседании Исторического клуба «Моё Отечество» при Союзе журналистов Москвы

16 апреля 2015 года.